

ния К. Штилле «Горный мудрец» обращает на себя внимание следующее высказывание: «Некоторые имеют очень дурную привычку плакать и плачут часто из одного детского своенравия или даже искусственно. Такие слезы есть не иное что, как отвратительная болотная вода. Но прекрасны слезы, происходящие от живого сочувствования, от тронутой души; они услаждают сердце, подобно как вечерняя роса после дневного зною услаждает томные растения».¹⁵

Особо следует остановиться на статье «Чувствительность и причудливость», появившейся в «Приятном и полезном препровождении времени» в 1796 г. за подписью «И».¹⁶ В статье последовательно проводится противопоставление истинно чувствительного человека и «причудливого», т. е. такого, который «хочет играть роль тронутого». Подчеркивая «натуральность», «естественность» проявлений настоящей чувствительности, автор весьма иронически оценивает искусственные попытки внешнего подражания ей. Образцом первой оказывается герой Стерна Йорик. О «причудливых», выставляющих напоказ свою ложную чувствительность, говорится следующее: «. . . один подымает плачевный вой о смерти фиалочки и не хочет утешиться; другой перед древним дубом повергается на колени и с такою важностию и благоговением простирает к нему речь, как будто бы он имел уши его слышать или глаза его видеть; третий со всею важностию заводит любовные беседы с луною и звездами, посылает к ним поцелуи, простирает объятия, как будто бы хотел их прижать к сердцу < . . . > причудливый приписывает им жизнь и чувственную силу, которой они не имеют, поставяет их в ненатуральных отношениях, в каких они никогда не стояли. . .» Конкретные примеры проявления подобной «причудливости» нетрудно найти в массовой литературе как европейского, так и русского сентиментализма. Показной характер ложной чувствительности демонстрируется еще одним любопытным примером: «. . . те самые голубиные глазки, которые в сию минуту при виде растоптанного цветочка или страждущего червячка разливаются в слезах соболезнования, через час при малейшей погрешности горничной девушки или при хозяйственном напоминании хладнокровнейшего супруга вдруг за сверкают огненными тигровыми взглядами!»

Подобные издержки культа чувства заставляют автора статьи вернуться к спасительному авторитету разума: «. . . для чего именно в нашем ложно чувствительном веке восстало толь много явных врагов прекрасного дара небес, превосходнейшего нашего преимущества — разума?» Тем не менее это не было отступлением на позиции классицизма: автор выступает апологетом чувствительности, но истинной, понимаемой им как «отменной склонности к таким чувствованиям в которых есть нечто нравственное».

 ¹⁵ Приятное и полезное препровождение времени. 1794. Ч. 1. С. 333—334.

¹⁶ Там же. 1796. Ч. 11. С. 241—254.